

Неожиданные находки в родословной усманских князей Вяземских

Попытка¹ разобраться в противоречиях родословной нашего известного усманского земляка, героя Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., князя Леонида Дмитриевича Вяземского привела к его дяде князю Александру Егоровичу Вяземскому, а затем и к его тетке баронессе Ольге Егоровне фон Клопман, земли которой располагались неподалеку от усманских земель князей Вяземских, в Задонском уезде Воронежской губернии. Удалось уточнить и некоторые сведения об отце Леонида Дмитриевича.

Начало проживанию князей Вяземских в Усманском уезде положил предводитель дворянства Суздальского уезда Владимирской губернии полковник князь Егор Александрович Вяземский. Он женился на дочери усманского помещика Павла Михайловича Лотарева^{2,3}. У П.М. Лотарева и его жены Александры Петровны, происходившей из старинного суздальского дворянского рода Молвяниновых, сыновей не было. Их обширное имение при селах Княжая Байгора и Падворки Усманского уезда Тамбовской губернии по выходе замуж дочери Прасковьи перешло к роду князей Вяземских, а именно к младшему сыну Прасковьи Павловны князю Дмитрию Егоровичу Вяземскому. Вот отсюда с начала XIX столетия среди потомственных дворян Тамбовской губернии стали значиться старинные русские князья Вяземские.

В метрических книгах церкви сёл Падворки и Княжая Байгора⁴ князь Е.А. Вяземский как помещик упоминается с 1800 г. по 1821 г., затем как помещица в метрических книгах упоминается его жена княгиня Прасковья Павловна.

Оставшись вдовой, княгиня продолжала жить в селе Якиманское Суздальского уезда, здесь же она 24 июня 1840 г. была зарезана своим дворовым человеком Александром Захаровым. Владимирский краевед Н.В. Фролов в местном архиве обнаружил интересные материалы, рассказывающие об этом чрезвычайном происшествии^{5,6}.

Родители Александра Захарова, дворовые Вяземских, скончались, когда он был ещё ребенком. С четырёх лет он находился в приёмышях у крестьянина, а в шестнадцать был взят княгиней Прасковьей Павловной ко двору. Вскоре после этого княгиня решила Александра обучить мастерству и отдала его на учёбу в Москву к немцу, каретному мастеру. Там Александр пробыл пять лет, и возвратился к хозяйке умельцем-шорником. Прошло всего лишь два года, и за это время у дворового накопилось на княгиню «сильное озлобление». Причина состояла, по словам Захарова, в жестоком её обращении, а когда он уходил на заработки в Москву, хозяйка брала с него слишком высокий оброк, и вдобавок на месяц вперед. Мысль умертвить княгиню зародилась у него давно. Для этого при себе он всегда носил острый нож, сделанный им для разрезания кож. Нож,

имевший длину в четверть (17,77 см), а ширину у основания в три пальца, как нельзя лучше, по разумению дворового, подходил для расправы над обидчицей.

Погребена была княгиня П.П. Вяземская у Никольского храма села Якиманское, недалеко от своей усадьбы. Что же касается дальнейшей судьбы дворового Александра Захарова, то он был лишен всех прав состояния, и на месте преступления в селе Якиманское 50 раз бит кнутами. После этого убийца с указными клеймами на лбу и щеках был сослан на вечную каторгу в Сибирь.

До последнего времени считалось, что жизнь «усманского наследника» Прасковьи Павловны князя Дмитрия Егоровича Вяземского, отставного штабс-ротмистра и предводителя усманского дворянства, «трагически оборвалась 27 марта 1850 года после вспышки крестьянских волнений»^{3,7}. Однако найти подтверждение этим волнениям в документах Тамбовского губернского дворянского собрания и канцелярии губернатора, которые заводили дела по всем случаям эксцессов между крестьянами и помещиками, не удалось. Но нашлось «Дело по отношению Тамбовского губернатора об увольнении по болезни Усманского предводителя дворянства штабс-ротмистра князя Д.Е. Вяземского», датированное 3-м сентября 1849 г., из которого видно, что уездный предводитель сам обратился в губернское правление с просьбой об увольнении от занимаемой должности по болезни⁸.

Князь Дмитрий Егорович перед смертью написал жене: «Обращаюсь к тебе, мой добрый несравненный друг Анночка, не оставь своею помощью семейство и сестры моей баронессы Клопман, я знаю твою добрую душу, ты верно охотно это исполнишь»⁹.

Княжна Ольга Егоровна родилась в 1800 г., а умерла баронессой в марте 1842 г., её малолетние дети: Александр, Дмитрий, Софья, Елизавета и Варвара стали наследниками всего имущества матери (в Задонском уезде Воронежской губернии деревня Малинок, село Мечёк, сельцо Крутец, в которых «лиц мужского пола 90 душ», в Суздальском уезде Владимирской губернии село Менчаково «с 23 душами» и деревянный дом в Москве в 4-м квартале Пречистенской части под №108). Опекунами малолетних детей были назначены: их отец, коллежский секретарь, барон Арест Иванович Клопман и дяди - князья Александр и Дмитрий Егоровичи Вяземские¹⁰.

В 1830 г. баронессе О.Е. фон Клопман, жившей в своём доме в Москве, принадлежало ещё и сельцо Романцово Подольского уезда Московской губернии. Об этом свидетельствует «Дело об учреждении опеки над имением подольской помещицы фон-Клопман за жестокое обращение с крестьянами», заведённое в губернском дворянском собрании¹¹. «Штабс-ротмистрша баронесса Ольга Егорова дочь фон-Клопман» вначале просила Подольского уезда предводителя принять законные меры по усмирению крестьян, которые «беспрестанно занимаются праздностью, пьянством и даже буйством, и вышли из повиновения». Но предводитель дворянства причиной неповиновения назвал «многое разорение» крестьян. В разбирательство были втянуты соседние владельцы, Коломенский уездный предводитель, губернский, гражданский и военный генерал-губернаторы. Все были на стороне крестьян, вывод однозначен: «...обнаруживаются распоряжения баронессы Клопман отяготительные для крестьян так, что крестьяне сии найдены в бедном положении, хлеба ни у кого нет, скота весьма мало, распродают для пропитания лошадей, отягощены подводами в Москву и

Воронежскую губернию, для себя работой не занимаются по всегдашнему нахождению на господской работе, тогда как быв за прежними владельцами и имел хорошее положение, дошли теперь до крайнего разорения и посылают детей для прошения милостыни». 22 июля 1831 г. Московское дворянское депутатское собрание на основании Указа от 21 февраля 1829 г. учредило опеку над именем О.Е. Клопман в сельце Романцово Подольского уезда.

Это дело, а также другие дела этого фонда московского архива¹² (имеется примерно 130 дел), показывают более сложную картину взаимоотношений крестьян и дворян в первой половине XIX, нежели рисуется с «классовых позиций» в работе¹³, в которой упоминаются «крестьянские волнения у помещицы О.Е. Фон-Клопман». Подборка «крестьянских дел» в канцелярии Московского губернского дворянского собрания начинается с дела 1790-х гг. о наказании крестьян за жалобу на помещика, а затем идут дела 1820-1850 гг., в которых жалобы крестьян внимательно рассматриваются и в разной степени удовлетворяются, и помещики при этом наказываются. Историк В.О. Ключевский отмечал в своих лекциях, что в эпоху Николая I крепостные крестьяне становятся уже не собственностью помещика, а, прежде всего, подданными государства, которое защищает их права¹⁴.

В Липецком областном архиве сохранились планы некоторых сёл и деревень Задонского уезда Воронежской губернии. В этих планах, датированных 1858 г., сообщается о землях принадлежащих наследникам «штабс-ротмистрши баронессы Ольги Егоровны фон Клопман»¹⁵. Земли располагались в Воронежско-Лазовской волости в окрестностях деревень: Малинино, Малый Мечёк, Малая Лазовка, Акилов Угол (Крутец), Стерляговка, сёл Гремячье (Вертячье) и Большой Мечёк.

Бароны Клопманы, согласно «Дворянскому адрес-календарю на 1897 год», не были внесены в дворянскую родословную книгу Воронежской губернии, но в календаре упоминались, как землевладельцы этой губернии¹⁶. В «Журналах Задонского Уездного Земского Собрания» за 1875 г. сообщается, что барон Дмитрий Орестович Клопман, поручик, имеет 136 дес. земли, облагаемых земским сбором. В журналах за 1893, 1899 и 1901 гг. сообщается, что уже 182 дес. земли владеет Леонид Дмитриевич Клопман, сын и наследник¹⁷.

Из метрических книг Космодемьяновской церкви села Большой Мечёк видно, что помещик деревни Стерляговки барон Леонид Дмитриевич фон Клопман несколько раз в течение 1890-1893 гг. выступал восприемником при крещении крестьянских детей, выступала восприемницей и «деревни Стерляговки дворянка, баронесса Стефанида Андрианова фон Клопман»¹⁸.

Старший сын первой «усманской княгини» Прасковьи Павловны Вяземской – Александр Егорович - к Липецкой земле имеет опосредованное отношение. Но история любви Александра Егоровича и воспитанницы Петербургской балетной школы нашла отражение в творчестве знаменитого «нашего земляка» Михаила Юрьевича Лермонтова.

Князь Александр родился 4 июня 1809 г. В списках офицеров лейб-гвардии Гусарского полка на 1830 г. из «Адрес-календаря и месяцеслова Российской империи» его нет, но в списках 1832 г. он уже корнет и награждён медалью за Турецкую войну (1828-1829)¹⁹. На исходе 1834 г. в этот полк после школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров поступают М.Ю. Лермонтов (1814-1841) и его товарищ Николай Сергеевич Вяземский (1814-1881)

— дальний родственник Александра Егоровича, тоже из «третьей линии второй ветви князей Вяземских».

М.Ю. Лермонтов под впечатлением истории своего полкового товарища князя А.Е. Вяземского написал в 1835 г. акварель, которая если и размещается в сборниках сочинений поэта, то подписывается просто «Бивуак лейб-гвардии Гусарского полка под Красным Селом». До 1879 г. эта акварель хранилась у князя Н.С. Вяземского.

«Бивуак лейб-гвардии Гусарского полка под Красным Селом». Художник М.Ю. Лермонтов. Акварель

И только в книге «Лермонтов: картины, акварели, рисунки»²⁰, сообщается, что на медной дощечке, прикреплённой к старинной раме, поименно перечислены одиннадцать человек, живописно расположенные на переднем плане акварели: «1. Корнет Николай Сергеевич Вяземский лежит. 2. Ротмистр Григорий Витт с вахмистром Докучаевым, вдаль. 3. Штабс-ротмистр Александр Григорьевич Ломоносов сидит на ковре. 4. Ротмистр Иван Иванович Ершов стоит слева, руки позади. 5. Посланник в Бразилии Сергей Григорьевич Ломоносов. 6. Поручик Яковлев, сложа руки на груди. 7. Флигель-адъютант ротмистр Иракий Абрамович Баратынский. 8. Корнет князь Витгенштейн, с трубкой в руке. 9. Корнет князь Александр Егорович Вяземский, рассказывающий полковнику князю Дмитрию Алексеевичу Щербатову, который сидит на складном стуле, о похищении из Императорского Театрального училища воспитанницы, танцовщицы, девицы Кох».

Похищение, вернее романтический побег, о котором рассказывает А.Е. Вяземский, в своё время занимало весь Петербург. В книге «Повседневная жизнь балерин русского Императорского театра» этому похищению отведён целый параграф, излагаются разные версии похищения, цитируется следственное дело²¹. Князь А.Е. Вяземский был влюблён в красавицу Софью Кох... Нанял квартиру, имевшую общую стену с училищем, начал разбирать кладку, чтобы видеться с ней... В мае 1835 г. Софью привлекли к участию в спектакле, где император Николай I обратил на неё похотливое внимание. А.Е. Вяземский уговорил мать Софьи забрать дочь из училища, обещал компенсировать расходы школы, но директор отказал. Софья же написала князю о желании сбежать из училища, побег состоялся 29 июня 1835 года.

Весь Петербург распевал куплеты:

Мне рассказывал квартальный
Как из школы театральной
убежала Кох.

В это время без Кохицы
Все за ужином девицы
Кушали горох.

...

Но все, сколько ни гадали,
От прислуг одно узнали
Под конец угроз, —
То же, что сказал квартальный:
«Кох из школы театральной
Вяземский увёз...».

Император Николай I был разгневан, повелел «истребовать от князя Вяземского девицу Кох», «отправить её за караулом» к директору Императорских театров, «если же князь Вяземский будет запирается в сокрытии её, Кох, то арестуйте его и прикажите содержать под арестом впредь до повеления».

Девушку А.Е. Вяземский переправил в Данию, посадив в Кронштадте на иностранный корабль. Наверное, именно эта ситуация – спряталась за границей - в художественной форме отражена на знаменитом «коллективном портрете николаевской эпохи» - картине Г.Г. Чернецова «Парад на Царицыном лугу». На картине, в частности, изображены: А.С. Пушкин, И.А. Крылов, В.А. Жуковский, Денис Давыдов, Карл Брюллов, М.М. Сперанский.

«Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года на Царицыном лугу в Петербурге». Художник Г.Г. Чернецов

Все 223 портрета картины пронумерованы и подписаны автором. Полотно выставлено в «Русском музее» Петербурга, и снабжено интерактивным электронным поиском персонажей. Софья Кох (номер 218-й) выглядывает «из

заграницы»: из-под рамы в правом нижнем углу частично видно её лицо, она и есть, и её нет.

Правый нижний угол картины Г. Г. Чернецова

В декабре 1840 г. состоялось обручение будущего императора Александра II с принцессой Баварской, по этому случаю Николай I подарил им эту картину Г.Г. Чернецова, а также объявил амнистию. Кох «подошла под манифест» и весной 1841 г. вернулась в Россию, а в феврале 1843 г. получила свидетельство «о непринадлежности к ведомству дирекции театров».

Стоит отметить, что Николаю I картина, законченная в 1836 г., не понравилась и была выкуплена лишь через 4 года. У кавалергардов же, шефом которых была жена царя, картина известна под названием «Приезд Императрицы Александры Фёдоровны на парад на Царицыном лугу в С.-Петербурге, 1831 г.»²².

А.Е. Вяземскому же долгое время пришлось сидеть на гауптвахте, а затем Николай Павлович повелел: «Вменив суд в наказание, перевести в армию тем же чином». В списках Гусарского полка он ещё значился на ноябрь 1836 г., а в списках 1837 г. его уже нет, но, по крайней мере, к ноябрю 1839 г. князь А. Е. Вяземский вернулся в лейб-гвардии Гусарский полк, вернулся в полк к этому времени и М.Ю. Лермонтов, направленный из гвардии в армию за стихотворение «Смерть поэта». В списках полка на декабрь 1840 г. князь показан уже поручиком, но наград у него не прибавилось¹⁹.

А.Е. Вяземский был довольно известным в Петербурге домовладельцем. Его имя сохранилось и на современной карте города: на Аптекарском острове есть Вяземский сад, площадью в 3,5 гектара, и Вяземский переулок. Названы они так потому, что у Александра Егоровича в середине XIX века в этом районе была усадьба.

С его именем связан ещё один район Петербурга, имевший дурную славу. В 1829 г. князь покупает извилистый участок земли рядом с Сенной площадью. На этом участке он в 1830-х гг. строит доходные дома, соединённые между собой, украшенные фронтонами и колоннами, со сквериками и даже баней, которую снабжала горячей водой паровая машина. Но так как Сенная площадь со времён Екатерины II считалась самым дешёвым рынком столицы, то, постепенно, доходные дома А.Е. Вяземского превращаются в злочасное место, в «Вяземскую лавру» - знаменитые петербургские трущобы, красочно описанные В.В. Крестовским, Н.И. Свешниковым, Ф.М. Достоевским, Н.А. Некрасовым, А.И. Куприным. Правда, в последние годы существования «Лавры», в одном из её домов находился «Детский приют трудолюбия в Вяземском доме» для детей Сенной площади.

История «Вяземской лавры» описана в книге «Сенная площадь. Вчера, сегодня, завтра»²³.

Дата смерти А.Е. Вяземского неизвестна, но если сравнить «Табель домов и улиц города С.-Петербурга» за 1883 и 1888 г.²⁴, то можно предположить, что умер он в этот период. Он был женат на княгине Марии Петровне и оставил двух детей – Марию и Александра².

С 1909 г. владелицей сквозного дома «Вяземской лавры» становится жена Леонида Дмитриевича Вяземского княгиня Мария Владимировна. Начинается ликвидация ночлежек в центре города. Последний – «Стекланный» - флигель «Лавры» был снесён весной 1913 г. Война помешала осуществлению грандиозного строительного проекта Вяземских, но новые высокие симметричные доходные дома №4 и №6 по Московскому проспекту стоят и украшают город доныне. Стоят в Мучном переулке Петербурга и два доходных дома №1 и №3, построенные отцом Л.Д. Вяземского в первой половине XIX века и принадлежавшие семье до Октябрьского переворота 1917 г. В одном из этих домов в 1846 г. жил Н.Г. Чернышевский. Леонид Дмитриевич, будучи астраханским губернатором, способствовал его освобождению из ссылки.

1. Дячкин О.Д., Ковригин В.В. Загадки родословной князей Вяземских // Вестник ЛГПУ. Серия «Гуманитарные науки». 2015. Вып. 2 (17). С. 33-40.
2. Данилов В.И., Дячкин О.Д., Ковригин В.В. «Князья Вяземские на Липецкой земле» - [URL]: <http://vyazemskiy.ucoz.ru>.
3. Данилов В.И., Дячкин О.Д. Усадьба близ села Коробовка Грязинского района – в кн.: Усадьбы Липецкого края. Липецк, 2015. С. 19-44.
4. ГАЛО. Ф. 114. Оп. 3. Д. 47, 50, 53; Оп. 1. Д. 61, 67а.
5. Фролов Н.В. Наши Вяземские. Ковров, 2003. 44 с.
6. ГАВО. Ф. 93. Оп. 2. Д. 172.
7. Данилов В.И. Имение Лотарево и его владельцы - в кн.: Русские провинциальные усадьбы. Воронеж, 2001. С. 283-293.
8. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 6123.
9. РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Ед. хр. 980.
10. ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 2. Д. 27.
11. ЦГА-Москвы. Ф. 4. Оп. 2. Д. 251, т. 5.
12. Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 206-340.
13. Огнев В.Н. Из истории крестьянского движения (1826-1859) – в кн.: Страницы истории Подмосковья. Коломна: КПИ, 1993. С. 52-65.
14. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция LXXXV. М.: «Мысль», 1989. Т. 5. С. 254.

15. ГАЛО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 13, 14, 63.
16. Шапошников Н.В. Дворянский адрес-календарь на 1897 год. СПб., 1896. С. 143.
17. ЖЗУЗС. Воронеж, 1875, 1893, 1899, 1901.
18. ГАЛО. Ф. 272. Оп. 6. Д. 41.
19. Адрес-календарь и месяцеслов Российской империи. СПб, 1831. Ч. 1. С. 194; 1833. Ч. 1. С. 273; 1837. Ч. 1. С. 279; 1838. Ч. 1. С. 288; 1840. Ч. 1. С. 279; 1841. Ч. 1. С. 176.
20. Лермонтов: картины, акварели, рисунки. М.: «Изобразительное искусство», 1980.
21. Ковалик О.Г. Повседневная жизнь балерин русского Императорского театра. М.: «Молодая гвардия», 2011. С. 168-177.
22. Бибиков Г.В. История кавалергардов. Париж, 1992. 515 с.
23. Юркова З.В. Сенная площадь. Вчера, сегодня, завтра. М.-СПб., 2011. 272 с.
24. Табель домов и улиц города С.-Петербурга, с Васильевским Островом, Петербургскою и Выборгскою сторонами, Охтою, Лесным, Петергофским, Полюстровским и Шлиссельбургским участками, с показанием частей, полицейских и мировых участков. СПб.: Г. Гоппе, 1883. 144 с; 1888. 244 с.